

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

ЯЗЫЧНИК

Голос Додолы

Кто нарушил, должен заплатить...

Желько Максимович

Язычник, Голос Додолы

<https://litres.ru/74175699>

SelfPub; 2026

Аннотация

В третий год великой засухи земля Ретры умирает. Трещины в полях глубже ран от топора, святилище Додолы почти пусто, а люди едят траву и убивают лошадей. Волхв Прибыслав знает: богиня отвернулась. Но однажды ночью в святилище приходит Она — женщина в чёрном, по имени Радослава. Или Баба Рога.

Она не просит милости и не несёт утешения. Она — голос Додолы, когда богиня больше не хочет говорить словами. Она — нож справедливости в теле Рода. И исцеление, которое она несёт, будет страшнее самой болезни.

Радослава видит предателей среди волхвов, жадных купцов в амбарах, бояр, продающих свой народ новым богам. Каждый, кто нарушил баланс, должен заплатить. Одни заплатят богатством. Другие — лицом. Третьи — самой душой. Потому что справедливость Додолы не прощает. Она только восстанавливает.

А дочь волхва Любава наблюдает. И постепенно понимает: боль, которую приносит Баба Рога, — это не наказание. Это единственный способ заставить Род вспомнить, кто он есть

Желько Максимович

Язычник, Голос Додолы

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПРОЛОГ ВЛАЖНОЙ ЗЕМЛИ

Земля дышала смертью.

Трещины на поле, что простирались от святилища Додолы до дальних лесов, глубокие, как раны от боевого топора, впитывали солнце вместо влаги. Каждое зерно, что удалось прорасти в третий год засухи, шёл в стебель без колоса, мучаясь в земле за водой, которую земля больше не давала. Волхв Прибыслав видел это каждое утро, когда выходил из своего дома на краю Ретры, и каждое утро его грудь сжималась от ощущения, которое было почти как боль, но обострённое, жёстче — это была ответственность, которую человек не может отложить на плечи богов.

В третий год засухи люди ели траву, скрученную в хлеб, и лошадей забивали, потому что нечем было кормить скот. Волховья, священное имущество святилища, теряло своё значение. Деньги, накопленные поколениями волхвов, становились бумажками в мешке, потому что никто не торговал — люди выживали.

Прибыслав знал это, и знание разрушало его изнутри медленнее, чем яд, но неотвратимее.

Он сидел в главном святилище Додолы, в том месте, где вода текла всегда, даже в засухи. Или, скорее, должна была течь. Теперь священный бассейн был почти пуст, вода до уровня, который Прибыслав не помнил с детства. Плоский зелёный налёт покрывал камни, где раньше брызги разбивались о скользкие от влаги края. Воздух в святилище был неподвижен, тяжел, насыщен запахом застойной воды и кошмара.

На камне сидела его дочь, Любава. Ей было пятнадцать зим, и её худые плечи, обтянутые грубой шерстью туники, казались хрупкими, как веточки березы в ранней весне. Волосы, длинные и чёрные, как смола, висели вдоль спины безжизненно. Она не ела, Прибыслав знал это. Она отдавала свою часть младшим детям, которые плакали по ночам от голода.

Отец, — проговорила Любава, и её голос был невыносимо спокоен, — она не отвечает. Ни дождя, ни знака. Может быть, она мертва?

Вопрос был святотатством, но Прибыслав не наказал дочь. Потому что сам думал то же самое в три часа ночи, когда

бессонница жгла ему мозг.

Додола не может быть мёртвой, — ответил он, и в голосе его было слишком много отчаяния, слишком мало уверенности. — Богини бессмертны. Это основа всего, что я знаю.

Может быть, — сказала Любава медленно, и теперь в её голосе звучала молодая боль, еще более страшная, чем дефицит воды, — она просто нас не любит больше.

Прибыслав встал и вышел из святилища, потому что услышать это от своей дочери было сильнее, чем стерпеть голод или жажду. По крайней мере голод можно утолить травой, а жажду можно забыть в дневной работе. Но когда вера кровит из человека как рана без перевязки, это уже не боль в теле — это распад.

На улицах Ретры люди двигались словно сквозь воду. Медленно, бесцельно, с потухшими взглядами. Волховья Священной Арконы, что раньше кишела торговцами, паломниками, воинами, теперь была почти пуста. Те, кто уходил, уходили молчаливо, забирая с собой семью и немного имущества, направляясь в земли древлян или в сторону болот, где, они слышали, вода была ещё. Те, кто оставался, оставались, как побитые собаки — без выбора, без надежды.

Прибыслав дошел до дома волхва Святогора, старейшего волхва, хранителя древних знаний. Святогор был очень стар — его кожа напоминала высохшую землю, его глаза потеряли блеск ещё года два назад — но дух его был острым, как обсидиан. Когда Прибыслав вошел, Святогор сидел над древними пергаменатами, освещёнными единственной свечой. Воск был дорогой; люди использовали берёзовый огонь, разрушающий зрение.

Ты выглядишь как человек, что только что встретил привидение, — сказал Святогор, не поднимая взгляда. — Или как человек, что потерял веру. Скажи, Прибыслав, какое из этих двух несчастий обрушилось на твою душу?

Может быть, оба, — ответил Прибыслав и сел. Спина его была согнута в болях, которые не приходили от холода и голода, а от внутреннего сжатия, от того ощущения, когда человек понимает, что его жизнь, его учение, его служение — всё построено на песке.

Святогор наконец посмотрел на него. Его взгляд был тяжёлым, как камень в животе.

Слышал ли ты рассказы, что ходят в деревнях? Люди говорят о предателе. Они говорят, что среди волхвов живёт тот, кто служит не Роду, а его врагам. Говорят, что этот пре-

датель шепчет в уши Додоле ложь, и поэтому богиня отвернулась от нас.

Прибыслав почувствовал ледяную волну в груди.

Это глупость, — сказал он, но голос его дрожал. — Люди ищут объяснения, и вместо того, чтобы смотреть на правду — что природа изменчива, что боги дают и берут, — они предпочитают видеть врага. Это слабость их умов.

Возможно, — согласился Святогор, — но слабые умы часто видят то, что сильные упускают. Я читал старые книги, Прибыслав. В них написано, что, когда Род входит в кризис, он выделяет исцеление. Иногда это исцеление приходит в виде простого дождя, иногда в виде войны, которая учит, иногда в виде женщины, чей голос меняет то, как люди слышат.

Какой женщины? — спросил Прибыслав, и в горле его стало сухо.

Святогор вернулся к своим пергаментам.

Той, что приходит ночью к святилищу. Волховья видела её. Чёрное платье, как ворона, чёрные волосы, как туча перед грозой. Она входит в храм, и свеча в святилище зажигается сама по себе, хотя никто её не трогал.

Прибыслав встал и вышел, не попрощавшись. Его ноги сами понесли его к святилищу Додолы, в ту глубокую ночь, что приходит после неполной луны.

Ночь была холодна. В третий год засухи даже ночи перестали быть влажными. Обычно земля ночью выпускала пары влаги, что собирались в подобие росы. Теперь ночь была просто холодна, сухих холод, который щипал кожу и высушивал слизистые оболочки горла. Прибыслав шел медленно, и с каждым шагом его ноги становились тяжелее, как если бы земля сама пыталась его удержать.

Святилище Додолы стояло отдельно, на небольшом холме, который когда-то считался священным местом, где вода первый раз коснулась земли после того, как боги сотворили мир. Теперь это был просто холм сухой земли, и храм на нём казался заброшенным, полуразрушенным дыханием времени.

Но когда Прибыслав подошел ближе, он увидел свет.

Свет горел внутри святилища, мягкий, золотистый, как свет свечи, сделанной не из воска и не из жира, а из чего-то другого, более древнего. Прибыслав приблизился к входу, и его сердце билось как напуганная птица.

Внутри святилища было две женщины.

Первая была молодой, может быть, двадцати или двадцати пяти лет, в чёрном платье, что длилось до земли. Её волосы были действительно чёрны, как смола, и они висели вдоль спины волнами. Её лицо было острым, с высокими скулами, с глазами, которые, казалось, содержали в себе глубину всех славянских озёр. Когда она обернулась к входу, её движение было плавным, как движение воды, и Прибыслав почувствовал, как его тело инстинктивно попятилось.

Вторая женщина была старой, согнутой, как полукруг луны. Её возраст был невозможно определить — она могла быть старше, чем память саму Ретру, или просто казаться такой из-за тяжести того, что она несла. Её одежда была серой, выцветшей, и её волосы были белы, как снег, что идёт в конце марта. Её глаза светились чем-то, что не было ни жизнью, ни смертью, но чем-то между ними.

Волхв, — проговорила молодая женщина, и её голос был как музыка, как голос самой реки Волхова, что поёт в весеннее половодье. — Ты ищешь ответы. Но ты боишься их услышать.

Прибыслав не мог двинуться, не мог говорить. Его горло

было заперто, как если бы какая-то невидимая рука держала его за глотку.

Моё имя Радослава, — продолжала молодая женщина. — И я пришла говорить от имени Додолы. Богиня говорит, что в вашем городе живёт яд. Этот яд так мал, так незаметен, что даже волхвы не видят его. Но яд есть, и он кровит в сердце Рода.

Старая женщина начала мешать в глиняном котле, что стоял у основания водного бассейна. Жидкость в котле была чёрной, как смола, но, когда старуха мешала её деревянной палочкой, жидкость светилась снизу, испуская золотистый свет.

Я пришла исцелить этот яд, — сказала Радослава. — Но исцеление будет болеть. Исцеление будет страшно. Люди будут проклинять мое имя. Но после того, как я уйду, вы поймёте, что справедливость больше, чем ложь, но честнее, чем утешение.

Кто ты? — наконец вырвалось из горла Прибыслава, охрипый, сломанный голос незнакомого ему человека. — Ты ведьма? Ты демоница? Ты служанка врагов Рода?

Радослава улыбнулась. Её улыбка была одновременно

нежной и страшной, как улыбка матери, что должна отрубить руку больному ребёнку, чтобы спасти его жизнь.

Я — то, что Додола посылает в моменты отчаяния, — сказала она. — Я — её голос, когда люди перестают слышать воду, когда перестают видеть справедливость в дожде. Я — Баба Рога, волхве. И я пришла к тебе потому, что ты любишь Род больше, чем ты любишь удобство. И этот огонь в тебе — это то, что мне нужно зажечь.

Когда Прибыслав вышел из святилища, луна уже начинала опускаться к горизонту. Его ноги несли его сами, без участия сознания. Его ум был разбит на осколки, каждый осколок горел другим огнём — огнём страха, огнём любопытства, огнём того, что он только что увидел, и того, что он должен был увидеть, но не хотел видеть.

На третью ночь после встречи с Радославой в Ретре начался дождь.

Не просто дождь — это был дождь, который казался исцелением, обещанием, возвращением забытого завета. Дождь шёл мягко, медленно, вызванивая по крышам домов, по листьям деревьев, по сухой земле. Люди выбежали из домов, разевая рты, позволяя воде касаться их языков. Дети смеялись, плача от радости. Даже скот, истощённый и бунтующий

щий от жажды, поднял головы и заревел, услышав обещание жизни.

Дождь длился всю ночь и всю следующий день. Земля впитывала его, благодарная, как тело, получившее лекарство. К четвёртому дню святилище Додолы наполнилось водой до уровня, который помнил Прибыслав, и вода была чистой, ледяной, и пахла, как самое начало мира.

Волховья собрала совет в доме Святогора. Прибыслав, старый волхв Святогор, младший волхв Коляда, что специализировался на гаданиях, Велибор, что защищал святилище, и несколько других. Всех их лица были озарены облегчением, радостью — и страхом.

Это было чудо, — сказал Коляда, и его голос дрожал от благодарности. — Додола услышала наши молитвы. Она забыла нас, но теперь простила.

Это был не дождь чуда, — сказал Святогор медленно. — Это был дождь справедливости. Я прочитал о таких дождях в старых книгах. Они идут, когда среди Рода рождается необходимость перемены. Они идут, когда боги решают, что молчание больше невозможно. Но после такого дождя всегда меняется что-то. Кто-то остаётся, кто-то уходит, кто-то начинает видеть не то, чтобы хотел видеть.

Прибыслав сидел молча. Его ум был ещё в святилище, с Радославой, с той, что говорила голосом Додолы. Он пытался убедить себя, что это было видение, наваждение, дар Додолы для проверки его веры. Но в его груди что-то знало правду: это была не проверка. Это было предупреждение.

На четвёртый день, когда люди начали выходить в поля, чтобы начать обработку земли, Велибор обнаружил, что в святилище остался мокрый отпечаток ступни. Не человеческой ступни, не совсем — она была слишком велика, слишком тяжела, и когда Велибор положил на неё руку, он почувствовал холод, холод воды, холод земли, холод чего-то древнего и могущественного.

Она была здесь, — сказал Велибор, и его голос был едва слышен. — Баба Рога была здесь. И она ходила по нашему святилищу, как его хозяйка.

Прибыслав посмотрел на отпечаток ступни, и в его сердце что-то хрустнуло, как лёд под ногой весной. Он понял, что Додола не просто говорила с Бабой Рогой. Она говорила через Бабу Рогу. И это означало, что все, что произойдёт дальше, будет исходить из божественной воли, а не из воли смертной женщины в чёрном платье.

Это означало, что предупреждение Святогора было верно: после этого дождя ничто в Ретре уже никогда не будет прежним.

Люди возвращались к своим занятиям. Земля была спасена для этого сезона, урожай, вероятно, будет. Но в сердцах людей поселилась новая эмоция — не просто благодарность к богам, но и страх. Потому что все знали теперь, что Додола не просто мягкая богиня жизни и урожая. Додола была также богиней справедливости, и справедливость иногда требует боли.

Вечером, когда солнце начало опускаться, Любава вышла из дома. Прибыслав видел, как она идёт к святилищу, и не остановил её. Потому что он понимал, что что-то начиналось, что-то, что он не мог контролировать, что-то, что требовало, чтобы его дочь видела правду так же, как видел её он.

Когда Любава вернулась, её глаза были мокры от слёз, но её спина была прямой, как берёза, что росла на холме святилища. Она прошла мимо отца, не говоря ничего, и Прибыслав понял: его дочь только что встретила что-то, что изменило её понимание о том, кто она такая.

На холме святилища, в последних лучах уходящего солнца, росли маленькие цветы. Они не должны были расти в

засуху, но они выросли, яркие, голубые, как глаза Додолы, смотрящие вниз на город Ретру с понимаем и терпением.

И в этот момент, когда Прибыслав видел эти цветы, он окончательно понял: земля не была мертва. Земля только ждала, чтобы её исцелили те, кто достаточно смел для боли справедливости.

Баба Рога знала, как это сделать.

ГЛАВА ВТОРАЯ: РЕЧЬ ВОД

Отрывок из Книги Небесной Памяти, Архив Ретры, лист повреждён водой

...когда дождь идёт, каждая капля несёт в себе слово Додолы. Волхв должен слышать эти слова, но [...] слова не всегда приносят радость. Иногда Богиня говорит о предстоящем голоде, иногда — о предателе, что скрывается в роду, как крыса в амбаре.

Река Волхова текла медленно в этот день, как будто разучилась спешить. Прибыслав заметил это ещё на рассвете, когда стоял на мосту святилища — вода обычно напевала, шелестела о камни гулко, но теперь молчала, точно прислушивалась к чему-то, что было слышно только ей. Волхв

прожил семьдесят лет, и такое молчание реки означало одно: земля ждёт перемены. Его сердце, привыкшее за десятилетия различать знаки, забилося чуть быстрее.

Вода в святилище Додолы была холоднее, чем следовало. Это он почувствовал босыми ногами, когда прошёл к алтарю совершать утренний ритуал. Холодная, почти ледяная, хотя на дворе была середина лета, и даже ночью воздух не остывал ниже дыхания. Прибыслав опустился на колени, положил ладони на край чаши с водой, и чаша была действительно ледяной. Но это было не разочарование, а знак. Богиня говорила.

Всю ночь он не спал. Любава спала в соседней комнате под завесой льна, спала спокойно, как спят те, кого боль не касалась. Его дочь была светлой, как день, светлой в душе и в помыслах, и это иногда казалось ему несправедливым. Мир не заслуживает такой светлоты.

Утром Прибыслав отправил её к матери Стефании, что жила неподалёку, в доме у ремесленников. Дочь целовала ему руку, как полагается дочери, с уважением и нежностью, и он видел в её глазах лёгкое беспокойство. Она чувствовала что-то. Дети и животные всегда знают, когда взрослые о чём-то молчат, когда в воздухе завивается опасность.

Отец, ты в порядке? — спросила она, касаясь его щеки.

В порядке, дитя. Просто волхвские дела. Реки требуют внимания.

Любава не стала расспрашивать дальше. Она знала волхвские тайны — не все, но достаточно, чтобы не вмешиваться.

Когда она ушла, Прибыслав вернулся к святилищу. И там он начал следить.

Он заметил её впервые три дня назад. Женщину в чёрном, которая появлялась у берега реки в полночь, когда город спал, и никто не видел. Или почти никто. Прибыслав видел. Старые волхвы имели привилегию видеть то, что скрывается в ночи, — боги даруют им эту способность как благодарность за служение.

Женщина стояла у воды всегда одна. Волосы у неё были чёрными, как ночь, без единого седого волоска, хотя возраст его определить было сложно. Иногда она казалась молодой, иногда её лицо озарялось какой-то древней усталостью. В первый раз, когда Прибыслав увидел её, он ощутил холод не в теле, а в душе — тот холод, что приходит, когда встречаешь нечто невозможное, но при этом совершенно реальное.

На третью ночь он решился подойти ближе.

Берег у реки зарос камышом высоким, почти в рост человека, и звёздное небо отражалось в воде мутным золотом. Прибыслав пробирался осторожно, стараясь не хрустеть сухой травой, стараясь дышать ровно. Он был охотником в молодости, мастером бесшумного движения, и хотя годы отняли часть гибкости, старые навыки остались в теле, в костях, в ритме дыхания.

Женщина сидела на коленях в воде. Платье её — если это было платье — казалось вовсе не намокшим, хотя вода доходила ей до пояса. Она держала в руках что-то маленькое, может быть, листок или песчинку, и смотрела на это с такой концентрацией, будто в этом маленьком предмете заключалась вся вселенная.

Её руки были явно видны в лунном свете. Прибыслав заметил это с отчётливостью, которая потом не покидала его память: руки были одновременно сильными и тонкими, такими, которыми можно было бы создавать или разрушать, но выбор между этим, казалось, лежал в каждой мышце, в каждом суставе. На запястье одной руки была рана, свежая и глубокая, но не кровоточащая. Рана была светло-серой, как будто заживала десятки лет, а не часы.

Радослава — это имя он услышит позже, от других людей, ото всех, кто знал, кто это была.

Прибыслав приблизился ещё на три шага. Камыш зашелестел. Это был незначительный звук, едва слышный обычному человеку, но она слышала. Не потому, что у неё был острый слух — нет, это было что-то другое. Это было абсолютное знание о том, что его присутствие здесь, в этой ночи, с этого момента было заметно для всех сил, что владеют ночью.

Она не повернулась глазами. Прибыслав запомнит это навсегда — то, как она развернула всё тело, как движение пошло от бёдер, от основания позвоночника, как будто тело её было оружием, готовым к неожиданной атаке. Волхв узнал этот жест. Такие движения делают бойцы, люди, что убивали на войне, что ночевали в лесах с диким зверьём и научились чувствовать мир через боль.

Теперь её лицо было обращено к нему, и он увидел глаза. Эти глаза он никогда не забудет.

Они были чёрными, чёрными как чернила, как ночное небо без луны, но в этой черноте светились что-то. Не отражение луны — нет, это было внутреннее свечение, как будто внутри неё горел маленький костёр, спрятанный глубоко

в груди, и этот костёр освещал её глаза изнутри. Прибыслав на миг почувствовал себя добычей, и это ощущение было не страхом, а признанием.

Ты ищешь доказательства, волхве, — сказала она, и голос её был низким, мягким, но в нём была твёрдость дерева, что не гнётся на ветру, — но доказательства существуют только для слепых. Тот, кто видит правду, не нуждается в доказательствах.

Её речь была странной. Слова были правильными, но ритм был иным, как будто она говорила на языке, что лежит под нашим языком, под самыми основами слов. Её голос казался голосом не одной женщины, а голосом множества голосов, наслоившихся один на другой, как слои земли.

Кто ты? — спросил Прибыслав. Его голос звучал слабо, старческой трещотке, совсем не на его требовательный волхвский тон.

Она встала из воды, не используя рук, не делая никаких лишних движений. Просто встала, как если бы вода была землёй. Вода стекала с неё, но странно — не капельками, а сплошным потоком, как будто вода подчинялась ей, как будто это была её воля, а не гравитация.

Я — то, что было, и то, что будет. Я — защита Рода от его собственного яда. Додола говорила со мной три ночи. Она показала мне лицо предателя.

Прибыслав ощутил во рту сухость. Его горло сжалось, как сжимается кулак в страхе.

Какого предателя? Где? — спросил он, и слова звучали отчаянно, как крик, что давно уже был в его груди.

Предатель везде, волхве. Предатель в святилище. Предатель в совете волхвов. Предатель в душах тех, кто молчит, когда должен говорить. Предатель тот, кто верит в Род, но служит его врагам мягким словом, как мёд, что скрывает в себе яд.

Она сделала шаг в его сторону. Прибыслав инстинктивно отступил. Его тело помнило, что это опасно, что эта женщина — а если это была даже женщина — не просто смертная.

Как я могу узнать истину? — спросил Прибыслав. Его голос дрожал. Как я узнаю, кто это?

Волхвы должны видеть, — ответила она, — но они научились только смотреть. Видение — это другое. Видение приходит через боль, через воду, через то, что смывает с глаз

пелену.

Она была совсем близко теперь, так близко, что Прибыслав мог различить в воздухе её запах. Это был запах озёр в конце лета, запах грозы, запах земли после долгого дождя, запах чего-то древнего и первичного, что не имело названия в человеческом языке.

Я не буду причинять вред волхву, если волхв не будет мешать мне защищать Род, — сказала она. — Но если ты станешь препятствием, то я уберу тебя, как вода уносит в море песок.

Её рука коснулась его плеча. Касание было холодным, ледяным, но не болезненным. Это было касание, которое оставляло отметину не на теле, а на душе. Прибыслав почувствовал, как в его груди что-то изменилось, как будто часть его, какая-то глубокая часть, признала её власть.

Я попытаюсь схватить тебя, — сказал Прибыслав, не зная, почему он говорит это, почему он не молчит. Страх заставлял его говорить, или это была совсем не его воля. — Я волхв, и я должен попробовать.

Тогда попробуй, волхве, — ответила она, и в её голосе впервые прозвучало что-то, похожее на сострадание. — Но

помни: я была уже давно, когда твои боги ещё учились говорить. Я будут ещё долго, когда твой прах смешается с землёй.

Её рука соскользнула с его плеча, и она сделала шаг назад, к воде. Прибыслав бросился вперёд, вытянув руки, но сделал это с тем затемнением в душе, которое наступает, когда знаешь заранее, что ты проиграешь.

Его руки прошли сквозь воздух, где она была миг назад. Радослава уже входила в воду, и вода принимала её, как принимает мать своего ребёнка. На миг Прибыслав увидел её силуэт, чёрный на чёрном, растворяющийся в речной тьме.

Она покажет тебе путь, — прозвучал её голос откуда-то из воды, из самой реки, словно вода сама говорила, — Додола уже приготовила для тебя знание. Оно придёт с дождём.

И потом был только звук реки, плеск волн, шелест камыша, всё то, что должно было быть всегда, но чего Прибыслав не слышал, пока она была здесь.

Волхв упал на колени в траву. Его старое тело дрожало не от холода, хотя и холод был реальным. Дрожь была от встречи с чем-то, что лежит по ту сторону понимания, по ту сторону волховских знаний, по ту сторону человеческой логики.

Над рекой начали собираться облака. Они собирались с востока, медленно, неспешно, но неумолимо, как армия, что движется на город. Прибыслав понимал: это начинается. Дождь приходит.

Он вернулся в святилище перед рассветом. Святилище было в полумраке, свечи уже горели, готовясь к утреннему ритуалу. Прибыслав прошёл по знакомым дорожкам между алтарями, мимо статуй богов, что смотрели на него с камня тяжёлым, пустым взглядом.

Статуя Додолы стояла в самом центре. Она была вырезана из белого мрамора, привезённого издалека, и представляла собой женщину в длинном платье, с кувшином воды в руках, что переливалась через край. Черты лица были мягкими, добрыми, материнскими. Но глаза — глаза смотрели с той же глубиной, что и глаза Радославы. Прибыслав понимал только сейчас, что видел эти глаза всю жизнь, и они его готовили к этой встрече.

Он опустился перед статуей и начал молиться. Молитва была не просьба о спасении, это не была молитва волхва, умоляющего бога вмешаться. Это была молитва признания, молитва, что говорит: я вижу, теперь, я понимаю теперь, я согласен с тем, что происходит.

От святилища пахло дымом — благовония из можжевельника и берёзовой коры. Запах был знакомым, удобным, домашним, и это контрастировало с тем холодом и инаковостью, что Прибыслав ощущал от встречи с Радославой.

Он понимал теперь, что волхвы молились неправильно. Они молились богам, как если бы боги были далеко, в облаках, над миром. Но боги здесь. Боги ходят по земле в телах людей, или в образах женщин, или в шуме воды. Боги ждут, пока волхвы поймут это, пока волхвы согласятся служить не предположению о богах, а самим богам в их земном воплощении.

Утром пошёл дождь. Он начался как обычный летний дождь, с редких капель, что били по крыше святилища с лёгким стуком. Но потом дождь усилился, он пришёл волной, как будто небеса разверзлись и отпустили всю воду, что была в них собрана. Это был щедрый дождь, дождь, что напавляет землю, дождь, что даёт жизнь.

Прибыслав сидел на пороге святилища и смотрел на дождь. Его одежда промокла, его старое тело озябло, но он не двигался. Он слушал каждую каплю, как если бы в каждой капле был голос Додолы, как если бы вся мудрость мира была скрыта в этом простом явлении природы.

Сквозь дождь он видел фигуру. Невысокую, в чёрном плаще, что казался сделанным из самого дождя. Радослава стояла посередине деревни, и люди расступались перед ней, оставляя ей дорогу. Они не знали, кто она такая, но они чувствовали, что это не просто женщина, это что-то более важное, более страшное, более необходимое.

Она прошла мимо дома купца Обрана, у которого были огромные амбары, полные пшеницы, которую он держал, ожидая повышения цены. Дождь шёл мощнее, когда она проходила мимо его дома. Прибыслав заметил это.

Она прошла мимо палаты боярина Игоря, что жаловал папских миссионеров и шептал им секреты города. Она остановилась у его двери. Остановилась, посмотрела, и Прибыслав видел, как боярин выбежал из дома, белый, как смерть, и стал осматривать себя, как будто убедиться, что он ещё жив.

А потом она прошла мимо святилища. Посмотрела на Прибыслава, и их взгляды встретились ещё раз. На миг его охватила холодная ясность: это была не ночь, когда люди спали и никто не мог свидетельствовать. Это было утро, и все могли видеть.

Волхве, — сказала она, остановившись, — я пришла исцелить Род. Но исцеление болезненно. Помни об этом.

Я помню, — ответил Прибыслав, и его голос был спокоен, — Я теперь знаю, что видел. И я молчать буду, когда молчание — это единственная правда.

Радослава кивнула. В её чёрных глазах горел всё тот же огонь, что в статуе Додолы. Огонь справедливости, огонь, что не жжёт лжецов по капризу, но по необходимости.

Она прошла дальше, в дождь, в город, в жизни людей, что ещё не знали, что их будет менять, что их будут судить, что их будет защищать в одном лице, в одной силе, что проходит ночью и оставляет лишь отпечатки ног, наполненные водой.

Дождь шёл трое суток. И в эти трое суток землю наплатала не только вода небес, но и правда о том, что боги не забыли свой народ. Боги просто выбрали необычный способ напоминания.

Прибыслав сидел в святилище и слушал каждую каплю. И в каждой капле он слышал голос Додолы, и в каждом голосе звучало имя Радославы, и в каждом имени была правда о том, что защита Рода — это работа, что требует больших рук, холодного сердца и непоколебимой веры.

И волхв молчал, как учила его Богиня.

На четвёртый день дождь прекратился. Солнце вышло из облаков, алое и огромное, как глаз какого-то древнего зверя. Земля дымилась влагой, и в этом дыме почти видны были фигуры богов, благодарные за то, что их служитель наконец понял, что благодарность выражается не словами, а пониманием необходимости.

Святилище пахло влажным деревом и камнем. Прибыслав встал со своего места, его старые кости ломались от долгого сидения. Он вышел из святилища и направился к берегу реки.

Там, в воде, было видно что-то. Серая тень, что плыла против течения, что двигалась как рыба, но не совсем как рыба. Прибыслав не был уверен, видит ли он это на самом деле, или это была фантазия его уставшего ума.

Но когда он подошёл ближе, он увидел отпечаток ступни в глине. Ступня молодой женщины, такая же, как три ночи назад. Но теперь отпечаток был полностью заполнен водой, как будто само время учило волхва, что все следы уходят в реку, все дела уходят в реку, и только вода остаётся, вечная и неизменная.

Прибыслав встал на этом месте и начал молиться снова, на этот раз молитва была благодарностью. Благодарностью за то, что он видел правду. Благодарностью за то, что Род всё ещё защищён.

Благодарностью за то, что есть те, кто может слышать голос воды и действовать в соответствии с этим голосом, даже если цена этого — быть непонятым, быть названным ведьмой, быть забытым историей.

Река Волхова текла дальше, неся в себе секреты Додолы и дела Баба Роги, и волхв понимал, что это было всегда, и это будет всегда, пока течёт вода, пока светит солнце, пока живет Род.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: НОЧЬ ДВОЙСТВЕННОСТИ

Из утраченных фрагментов Книги Судеб, текст разорван,
Священная Аркона

Прибыслав не спал.

Это было не бессонницей в обычном смысле — не мучительным ворчанием, не лихорадкой мысли, расцепляющей челюсти. Это была состояние бодрствования, которое глуб-

же сна, отчётливее чем бодрствование. Волхв лежал на шкурах медведя, убитого его отцом сорок лет назад, в той же комнате, где он родился, в той же позе, в какой лежали его предки. Комната была тёмной — масло в лампе закончилось на закате, и свеч он не зажигал, понимая, что свет помешает ему видеть то, что видел в темноте.

И в этой темноте он видел её лицо.

Острое, как острие копья, как нож, как направленная воля, сужающаяся к острию. Скулы выступали так, что казались готовыми пробить кожу изнутри. Глаза — не человеческие, нет, конечно, человеческие, но содержащие в себе что-то архаичное, первобытное, то, что жило до того, как люди научились говорить. Рот — тонкий, без мягкости, без приветствия, только линия, разделяющая мир на две половины.

Но одновременно с этим лицом — другое лицо, совсем другое.

Мягкое, как материнская ладонь. С морщинками вокруг глаз от улыбок, которые Прибыслав никогда не видел. С чем-то теплым в выражении, с чем-то, что говорило о многолетней заботе, о привычке защищать тех, кто слабее. Лицо, полное сострадания, полное того сложного терпения, которое приходит от понимания человеческой хрупкости.

Это было невозможно. Лицо одной женщины не могло быть двумя лицами одновременно. Это противоречило логике восприятия, противоречило тому, что волхв знал о строении человеческого черепа, о неподвижности костей. И всё же это было. В темноте его собственной спальни, лежа на медвежьей шкуре, дыша воздухом, насыщенным запахом дубления и времени, Прибыслав видел оба лица одновременно, как если бы глядел на женщину, отражённую в двух зеркалах, повёрнутых под углом.

Он закрыл глаза. Лица остались.

Он открыл глаза. Лица исчезли, вернулась черная комната с едва различимым силуэтом окна, где луна была в третьей четверти, неполная, неуверенная. Так выглядит луна, когда она знает, что уходит, что наступит полнолуние и потом снова убывание. Луна, которая видела всё — историю мира, мучения людей, справедливость и несправедливость, упрямство и слабость.

Прибыслав встал с постели медленно, стараясь не разбудить дочь. Хотя она спала в соседней комнате, отделённой от его спальни стеной из брёвен, между которыми был мох, забитый для тепла, — её сон был лёгким, как у животного, готового вскочить при опасности. Она наследовала это каче-

ство от матери, которая умерла, когда Любаве было четыре года. Мать всегда просыпалась при малейшем шуме, даже от шелеста мыши в стене.

На Любаву это качество действовало странно. Она спала мало, всегда настороже, но при этом казалась отдохнувшей, спокойной, как если бы её сон был более глубоким, чем сон обычного человека, хотя это была очевидная ложь, которую рассказывал себе отец. Она просто была выносливой девочкой, усвоившей ещё в младенчестве, что окружающий мир может быть опасен, и нужно быть готовым в любой момент.

Прибыслав надел сорочку из грубого льна, обмотал плаща — шерстяной, тёмный, почти чёрный, цвета грозового облака — и вышел из дома.

Ночь была прохладной, но не холодной. Это была ночь конца лета, когда понимаешь, что осень готовится, но ещё не пришла, когда земля хранит в себе тепло дня, но неба уже касается предчувствие холода. Воздух пахнул травой, краем начавшей сохнуть под палящим солнцем, и чем-то ещё — запахом земли, запахом воды, запахом предгрозовой атмосферы, хотя небо было ясным.

Улицы Ретры были пусты. Даже ночные пьяницы разошлись по своим углам, или они были арестованы городским

стражником, или они убежали, зная, что ночь — не их время. На Ретру в эти дни нависла какая-то странная тишина, тишина ожидания. Люди чувствовали, что что-то изменяется. Засуха растянулась на третий год, и обычно к этому времени либо начинается дождь, либо город готовится к голоду. Здесь было что-то третье — не засуха и не спасение, а неопределённость, подвешенное состояние, когда всё может случиться.

Святилище Додолы находилось в центре города, в древней части Ретры, где старые дубы были толще, чем туловище человека, где земля была пропитана кровью жертвоприношений (не человеческих, конечно, не в городе, но животных, птиц, зерна) за более чем тысячу лет. Прибыслав знал это святилище лучше, чем свой собственный дом. Он провёл в нём половину своей жизни, изучая знаки на дереве, расположение камней, способы, которыми волхвы древних времён организовали пространство так, чтобы оно проводило волю богов.

Но сегодня святилище выглядело иначе.

Может быть, потому что в нём горел огонь. Маленький костёр, едва видимый издалека, горел в центре святилища, рядом с колодцем, что питал его водой из подземного источника. Прибыслав замедлил шаг, приближаясь. Его волхвская

интуиция, развитая годами обучения, кричала ему, что это опасно, что ему не нужно туда идти. Волхв знает, когда его ждёт опасность, точно так же, как олень знает, что охотник прячется за кустом, не видя его, но чувствуя его присутствие.

И всё же он пошёл.

На краю костра, согнутая, как полукруг луны в последней четверти, сидела старуха.

Не Радослава — Прибыслав был в этом уверен, хотя уверенность была мягкой, расплывчатой, как сон. Эта женщина была намного старше, с спиной, изогнутой многолетней работой или многолетним страданием. Её лицо было покрыто морщинами, столь глубокими, что казались они рубцами времени. Руки — костлявые, узловатые, как сучья старого дерева. Но глаза.

Глаза светились голубизной, цветом воды, цветом скважины в земле, куда падает свет и видится глубина. Это были не глаза человека, видевшего много лет. Это были глаза, в которых жила долгая память, память неживой материи, память земли и воды, память того, что видит мир с точки зрения камня или колодца.

Старуха мешала в большом глиняном котле что-то пал-

кой. Дым поднимался вверх, в неподвижный ночной воздух, и на секунду, прежде чем рассеиваться, оформлялся в образы. Прибыслав видел в дыме стебель ячменя, изогнутый под ветром. Видел в дыме лицо молодого боярина, того, что совсем недавно приехал в Ретру и начал проповедовать о новой вере. Видел в дыме изображение воды — не просто воды, но воды, наполненной болью, воды, которая плачет.

Ты пришёл, волхве, — сказала старуха, не поднимая взгляда от котла. Её голос был хриплым, глубоким, как голос, доносящийся из пещеры, как голос, который произносил многие слова в течение тысячелетий. — Я ждала тебя. Додола сказала мне, что ты придёшь. Она видит всё, что происходит между небом и землёй.

Прибыслав сделал шаг вперёд, но остановился на расстоянии, которое считалось безопасным в его понимании. Два фута между ними — это была дистанция, с которой волхв мог бежать, если нужно, и одновременно расстояние, позволяющее разговаривать, чтобы быть услышанным.

Кто ты? — спросил он. Его голос звучал незнакомо даже для самого себя, выше обычного, с металлическим оттенком, как если бы в нём жил страх.

Старуха наконец подняла взгляд. Её глаза встретили его

взгляд, и он почувствовал, что смотрит не на человека, а на что-то намного более древнее, намного более сложное, чем человеческая душа.

Дождь уходит, волхве, — сказала она, — потому что Додола отвернулась от вас. Но не от Рода. Она никогда не отверачивается от Рода. Она отвернулась от тех, кто предаёт Род.

Ты не ответила на мой вопрос, — сказал Прибыслав, чувствуя, как его речь возвращает ему какую-то уверенность, какую-то опору на логику, на слова. Волхв — это тот, кто говорит, кто интерпретирует знаки. Слова — это его оружие, его власть. — Я спросил, кто ты. Я требую ответа.

Старуха медленно встала. Она встала долго, мучительно, как встаёт тело, которое прожило более ста лет, которое помнит каждый день своего существования как отдельную боль. Но когда она встала полностью, её рост был примерно таким же, как у Прибыслава, хотя изогнутая спина делала её ниже. И когда она выпрямила спину — процесс, который занял ещё несколько долгих секунд — она стала выше его.

Я — многие, волхве. Я — одна. Я — то, что защищает, что карает, что спасает. Я приходила сюда много раз, в разных обличьях, в разных телах. Иногда я молода, иногда я стара. Иногда я женщина, иногда я принимаю облик старика, или

волка, или вороны. Баба Рога не имеет одного лица, волхве. Баба Рога — это воля Рода, воплощённая в действие.

Прибыслав чувствовал, как его сердце бьётся быстро, как у зайца, загнанного охотником в угол. Его разум знал, что это невозможно. Баба Рога — это миф, это история, которую рассказывают старухи в углах домов, это образ, который живёт в воображении людей, полных страхов. Баба Рога не может быть реальной. Баба Рога не может стоять перед ним, в его святилище, в ночи Ретры.

И всё же.

И всё же он знал — не головой, не логикой, но каким-то глубоким знанием, которое живёт в костях, в крови, в той части сознания, которая ближе к животному, чем к человеческому разуму — он знал, что перед ним стоит не женщина и не образ, а реальность, которая категория человеческого рассудка способна охватить только как образ, как метафора, как миф.

Что ты здесь делаешь? — спросил он, и его голос был теперь медленнее, осторожнее. Почему ты пришла в святилище Додолы?

Я пришла, потому что воля Додолы привела меня сюда, —

ответила старуха, и её голос стал нежнее, печальнее. — И я пришла, потому что ты позвал меня, волхве. Ты позвал меня своим неверием, своей слепотой, своей неспособностью видеть правду, которая стоит перед тобой.

Она повернулась к котлу. Огонь в костре почти погас — теперь оставался только тлеющие угли, которые излучали тепло, но не свет. Дым, однако, продолжал подниматься, продолжал оформляться в образы. На этот раз Прибыслав видел в дыме лицо человека, которое было и острым, и мягким одновременно. Лицо Радославы. И он понял, что это был ответ на его двойственное видение, ответ на разделенность его собственного восприятия. Женщина, которую он видел — и которую видели все в городе — была одновременно двумя вещами: орудием справедливости и проявлением сострадания. И разум волхва не мог вместить обе истины одновременно, поэтому он разделял их, видел их отдельно вместо того, чтобы понять, что они одно целое.

Она работает на Додолу, — сказала старуха, прочитав его мысли, или может быть, это было не чтение мыслей, а простое произнесение того, что и так было понятно. — Она делает работу земли, работу защиты, работу правосудия. Но это правосудие не человеческого типа, волхве. Это не то правосудие, которое судят волхвы, в лучшем понимании рассуждения. Это правосудие природы, правосудие реки, кото-

рая течёт туда, куда течение ведёт её, и затапливает посевы неправедного так же, как и правого, но затапливает, потому что это необходимо для общего благополучия.

Прибыслав сел на землю. Его ноги больше не слушались его. Может быть, это был возраст — он уже не молодой, волхв около шестидесяти лет, и силы его уходили. Или может быть, это был ужас, или понимание, или какой-то мудрости, что знаешь, что нужно остановиться, нужно сесть, нужно слушать, потому что ты в присутствии чего-то намного большего, чем себя.

Почему она не явилась мне так? — спросил он. Почему Додола не говорила со мной напрямую, как говорит с тобой?

Потому что ты отказываешься слушать, волхве. Ты долгие годы служишь Роду, да, но ты не слышишь его голоса, — ответила старуха, и в её голосе была не злость, а печаль, очень глубокая печаль. — Ты думаешь, что знаешь, как говорят боги. Ты думаешь, что голос Додолы должен быть таким-то, выглядеть так-то, действовать определённым образом. И когда Богиня говорит иначе, когда она действует способами, которые волхвский разум не может классифицировать как священное, ты не узнаёшь её. Ты видишь только женщину, делающую тёмные дела. Ты не видишь справедливость, которая живёт в сердце каждого её действия.

Прибыслав понимал, что она говорит правду. Это понимание было горче всего, что он когда-либо пробовал. Горче чёрной полыни, горче воды из колодца, в который упала мёртвая птица. Горче смерти его жены, потому что смерть — это исход, это конец, и можно с ней согласиться. Но это — это было стоп середина жизни, переоценка всего, что волхв считал истиной.

Как мне исправить это? — спросил он. Как мне услышать голос Додолы, как её слышишь ты?

Старуха смотрела на него долгое время. В её взгляде было сочетание жалости и уважения, как смотрит мастер на человека, начинающего свою работу, когда у того нет ни опыта, ни знания, но есть желание учиться.

Сначала, — сказала она, — ты должен понять, что голос Додолы — это не голос. Это движение воды. Это рост травы. Это способность семени прорасти в засуху, найдя влагу глубоко под землёй. Это радость животного, которое пьёт из источника в палящий день. Голос Додолы — это благодарность, которая восходит в сердце человека, когда он ест честный хлеб, который вырастил сам. Это не слова, волхве. Голос богов редко бывает словами.

Старуха повернулась к огню и, взмахом руки, развеяла дым. Прибыслав ожидал, что она исчезнет — это было бы логично, это было бы соответственно рассказам о сверхъестественных существах. Но она не исчезла. Она просто исчезла в дыме, как существо, которое всегда было из дыма, которое никогда не было полностью физическим.

Когда дым рассеялся, Прибыслав был один в святилище.

Он остался там до рассвета. Не молился — в этот момент молитвы казались ему лживыми, попыткой исправить свою слепоту словами, когда нужны были действия. Не размышлял — его ум был слишком перегружен, слишком переполнен новым пониманием. Он просто сидел, касаясь земли, чувствуя влагу в ней, слушая тихий звук воды в колодце, того скрытого источника, который питал святилище уже тысячу лет.

И где-то в глубине ночи, когда луна была уже в другой части неба, а первые звёзды начали бледнеть, Прибыслав понял. Не в словах, не в логике, но в ощущении, в телесном понимании: старуха никогда не была рядом. Её присутствие, её слова, даже её физическое тело — всё это было видением, даром Додолы волхву, что был слишком закрыт, чтобы слышать иначе. Это был сон наяву, то, что волхвы древних времён называли бодрствующим видением, когда бог касается

сознания человека и показывает ему что-то необходимое для его развития.

И это понимание было ещё горче, чем сама встреча, потому что означало, что разговор был не только о Радославе, не только о справедливости, не только о Баба Роге. Разговор был о самом Прибыславе, о том, что волхв слишком долго был закрыт собственной гордостью, собственным знанием, собственной неверой в то, что боги могут говорить иначе, чем он ожидал.

Когда солнце поднялось над Ретрой, Прибыслав был уже в пути домой. Люди, видевшие его, говорили потом, что волхв выглядел как человек, переживший великое потрясение, но не сломленный этим потрясением. Его спина была прямой, его глаза были открытыми, его шаг был твёрдым. Но на его лице была печать чего-то потерянного и чего-то найденного одновременно.

Дома он нашёл Любаву, которая приготовила кашу из того зерна, что осталось с прошлого года. Она не спросила его, где он был всю ночь. Она только посмотрела на него так, как смотрят дети, которые видят, что в их родителе произошло изменение, и не знают, плакать ли об этом, или быть счастливым.

Отец, — сказала она, — тебе нужно поесть. Затем тебе нужно спать.

И Прибыслав послушался.

Но спать он не смог.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ: ГОЛОС БОГАТСТВА

Селение Волхово дышало неравномерно. Неправильное дыхание имело имя — Обран, и он жил в доме, что построил из дерева, железа и укротованного голода других людей.

Засуха, которая третий год подряд опустошала земли Руси, странным образом обошла его амбары. Люди говорили об этом шёпотом, не веря своим словам: как может быть, что у одного человека зёрна сохранились, когда у соседей осталась только пыль и память о полях?

Ответ был прост и отвратителен. Обран начал скупку в первый год засухи, когда крестьяне, видя чахлые побеги под небом, что напоминал раскалённое железо, готовы были отдать всё за горсть медных монет. Он приходил в деревни с мешками серебра, с улыбкой человека, совершающего милостыню, и он брал пшеницу, рожь, ячмень по цене, что была оскорблением. Крестьяне хватались за его деньги, потому

что медь можно съесть только переплавив её в украшения, а драгоценности не спасают от голода детей.

Затем Обран ждал. Он был терпелив, как враг, что знает, что время на его стороне.

Когда волхвы начали молиться Додоле, когда они зажигали костры и пели песни старых дней, надеясь вернуть дождь — Обран молился про себя совсем иному богу. Богу накопления. Богу ростовщичества. Богу, что не требует жертвы, а требует только расчета.

К концу третьего года его амбары были полны. Не только полны — забиты, как если бы пытался он вместить в них весь мир. Зёрна лежали слоями, слоями света, потому что когда солнце попадало в щели в стенах, оно золотило их. Он стоял в темноте амбара и видел перед собой не жизнь — видел цену жизни, преобразованную в материю.

Жена его, Маргарита, давно перестала спать в его постели. Она спала в покое, что смотрел на реку, подальше от него, подальше от того, что исходило от его кожи — запаха пота и наживы. Она была дочерью немецкого купца, воспитана в традициях западного торгова, где справедливость — понятие, что меняет содержание в зависимости от курса серебра. И всё же даже она, привыкшая к правилам жестокого рынка,

чувствовала в доме присутствие чего-то, что не должно было там быть.

Обран, — сказала она однажды, сидя за столом, на котором была расставлена еда, достаточная для накормления трёх семей, — люди смотрят на нас странно. На рынке, когда я прохожу, они отходят в сторону, как будто я несу болезнь.

Обран не поднял глаз от куска баранины на своей тарелке. Он жевал медленно, растягивая удовольствие, зная, что этот процесс — передача пищи из общего ресурса в его собственное тело — есть форма власти.

Люди завидуют, Маргарита. Завидуют тем, кто видит дальше, чем они. Они видят засуху и впадают в панику. Я вижу засуху и вижу возможность.

Это не зависть, — ответила его жена, и в её голосе прозвучала вибрация, которую он услышал, как критику. — Это страх. Я тоже начинаю его чувствовать. Страх перед тем, что ты делаешь с зёрнами, которые могли бы спасти людей.

Обран отложил вилку. Он смотрел на неё долго, изучая её лицо, как если бы видел его впервые. Маргарита была красива в молодости, и эта красота была частью сделки их брака. Теперь красота уходила, заменяясь на что-то более чёткое

— на черты человека, что начинал понимать, во что превратился его дом.

Зёрна — это не милость, Маргарита. Зёрна — это товар. Род создал закон стоимости, и стоимость зависит от предложения и спроса. Если бы я продавал свои запасы в первый год засухи по цене, которую скупал, я бы был нищим через месяц. Вместо этого я буду продавать по цене, которую люди готовы платить на четвёртый и пятый год, когда голод станет совсем невыносимым.

Маргарита встала из-за стола. Она была одета в платье из льна, окрашенное в цвет вишни, и когда она двигалась, ткань издавала шёлковый звук отступления.

Я помолюсь твоему богу накопления, — сказала она на пороге комнаты, — но я молю мой Бог простить мне, что я живу в этом доме.

Она ушла, и Обран остался один с едой, что была слишком много, и с зёрнами в амбарах, что были слишком много.

Он был богат. Он был невероятно, несправедливо, в смысле какого-то вселенского баланса, богат. И он был один.

Волхвы забыли о нём. Они были заняты молитвами Додо-

ле. В святилище они приносили жертвы, и кровь животных смешивалась с пеплом костров, создавая символы, что, по их убеждению, должны были вернуть дождь. Они пели так громко, что звук их голосов докатывался до дома Обрана, и он слышал боль в этих голосах — боль человека, что молит и не знает, услышан ли.

Додола молчала.

Засуха продолжалась.

На четвёртый год Обран начал продавать. Он продавал боярам и волхвам, придумав сложную систему расчётов, которая позволяла ему платить золотом и землёй в вознаграждение за зёрна. Его богатство трансформировалось — из материального в имущественное. Теперь он был не только человеком, что копил зерно, но и человеком, что владел землёй.

Люди приходили к нему с просьбами. Сначала молодые матери, с младенцами, что плакали от голода — звук, что пронизывал плоть острее, чем любой меч. Затем старики, что больше не могли работать и просили просто остаток, горсть, может быть, горсть пшеницы для хлеба. Затем дети, что бродили по селению и смотрели на его дом с таким выражением, которое заставляло думать о животном, готовом броситься на пищу.

Обран видел их. Он видел каждого, кто приходил. И он отворачивал их.

У меня нет ни для кого, — говорил он, стоя в дверях дома, сложив руки на груди. — Я это собирал годы, отказывая себе во всём. Я не щедрый человек. Я скупой. Я скупой природой, и это — моя честь.

Когда уходили люди, он смотрел им вслед и чувствовал в груди что-то, что раньше называл удовлетворением. Теперь это ощущение становилось тяжелее, как если бы под рёбра ему клали один за другим камни.

Волхв Прибыслав пришёл к нему однажды днём. Старый волхв, в виске полностью поседевшим, с глазами, что видели больше, чем глаза должны видеть. Он пришёл не с просьбой, а с предупреждением.

Обран, — сказал он, входя в дом без приглашения, как люди, что знают, что им дозволено входить везде, — ты нарушаешь закон Рода. Закон Рода гласит: избыток одного должен питать недостаток другого. Это стабильность. Это баланс.

Закон Рода или закон волхвов? — спросил Обран, остава-

ясь стоять, не предлагая волхву сесть. — Потому что волхвы живут охотно пожертвованиями, а я живу собственным трудом.

Прибыслав посмотрел на него так, как смотрят на человека, что болен неизлечимо.

Додола слышит тебя, — сказал волхв, — и Баба Рога ждёт. Когда урожай вернётся, когда дождь упадёт на земли, справедливость найдёт тебя. И справедливость, Обран, — это не милость. Это цена, которую нужно платить за нарушение баланса.

После этого волхв ушёл, оставив за собой запах ладана и чего-то ещё — запах древней уверенности, что справедливость — это не идея, это материальная сила.

Обран смеялся, но смех был полый, как скорлупа.

Справедливость. Баба Рога. Это были сказки, которыми волхвы пугали детей.

Но ночи становились беспокойнее. Обран просыпался в холодном поту, хотя ночи были сухими и горячими. Его сны наполнились образами — лицами женщин, что приходили просить хлеба, и все эти лица сливались в одно лицо, острое

и безжалостное, как лезвие.

На четвёртый день четвёртого года засухи небо пожелтело.

Это было неестественно — небо стало цветом, который небо не должно иметь. Жёлтым, как старое золото, как если бы кто-то расплавил всё золото на земле и разлил его по небесам. Люди выбежали на улицы, смотря вверх, и многие упали на колени, веря, что пришёл конец света.

Затем появились облака. Они пришли медленно, из-за гор, на западе, и они были чёрные, как прогоревший уголь. Ветер начал дуть, и ветер был холодным, как дыхание могилы.

Дождь начался на закате.

Это не был обычный дождь. Он шёл со звуком, который не слышали люди раньше — звук, похожий на стон, на жалобу неба о чём-то потерянном. Вода была холодной, почти ледяной, и люди, что выбежали встречать её, кричали — от холода или от облегчения, неясно.

Обран стоял в доме и слушал, как дождь ударял по крыше. Каждый удар был требованием. Требованием вернуть то, что

было взято.

Маргарита пришла к нему в комнату. Она была одета в ночное платье, и её волосы были распущены, как они были в молодости, перед всеми годами несправедного богатства.

Они уходят, — сказала она, указывая на окно. — Люди уходят в поля. Дождь идёт, и они забыли о голоде. Смотри.

Обран посмотрел. Правда была — люди выбегали на улицы, в сады, в поля, и они поднимали лица к небу, позволяя дождю касаться их кожи, впитываться в ткани их одежды. Дети плакали, но это были слёзы облегчения. Матери держали младенцев высоко, помещая их в линию удара дождя, как если бы вода могла вымыть голод из их маленьких тел.

Урожай будет. Это было ясно. На следующий год зёрна проклюнутся, и земля вернёт себе плодородие. Додола услышала молитвы. Баба Рога позволила миру продолжить существовать.

Но это означало и другое: теперь Обран был уязвим.

Ночь, когда она пришла, была ночью, что никак не отличалась от других. Луна была в облаках, звёзды были скрыты. Дождь шёл по-прежнему, ровный и холодный. Обран лежал

в постели, слушал стук капель и попытался заснуть, но сон не приходил.

Затем он услышал звук — не дождь, не ветер, а дыхание.

Он открыл глаза, и перед его кроватью стояла женщина.

Она была окутана во влажный чёрный плащ, что прилипал к её телу, обозначая каждый мускул, каждый выступ костей. Её волосы были мокрыми, прилипшими к лицу, но её глаза светили — светили голубизной, цветом воды, цветом того, что существует между жизнью и смертью.

Обран попытался вскочить с кровати, но его тело не подчинилось. Это не была физическая сила, что держала его. Это была воля, чистая воля, что пришла из её тела и вошла в его тело, парализуя его.

Тихо, — сказала она, и её голос был похож на шелест листьев в воде. — Ты не можешь бежать. Я — Радослава, и я пришла от Додолы. Я — то, что приходит ночью, когда справедливость требует платежа.

Я не знаю тебя, — сказал Обран, и голос его был хриловат от страха. — Я ничего не делал.

Ничего? — Радослава наклонилась к нему, и её лицо приблизилось так близко, что он чувствовал влагу, что сочилась от её волос. — Ты украл у Рода. Ты видел голодных и отворачивался. Ты знал, что люди умирают, и ты считал свои монеты.

Они голодают потому, что засуха, — возразил Обран, и отчаяние в его голосе было почти смешным. — Не я создал засуху.

Нет, — согласилась она, — засуху создала природа. Но несправедливость создал ты. Засуха — это испытание Рода. Испытание показывает, является ли человек частью Рода или паразитом на нём.

Она поднялась, и руку её коснулась его груди. Её ладонь была ледяной, и когда она прижимала её к его сердцу, он чувствовал, как его сердцебиение ускоряется. Не от страха — от чего-то более глубокого. От узнавания. От того, что часть его знала, что она говорит правду.

Завтра на рассвете, — сказала Радослава, — ты откроешь свои амбары. Ты возьмёшь зёрна, которые ты собирал годы, и ты вернёшь их Роду.

Нет, — прошептал Обран. — Это моё. Я заработал это.

Ты заработал право умереть в нищете, — ответила она, и её слова были мягче, чем ожидал Обран, но тем более жестокими. — Ты заработал право жить без чести. Ты заработал право быть забытым. Но Додола щедра. Она даёт тебе выбор. Вернись к Роду добровольно, и ты выживешь. Но ты не будешь богат. Ты не будешь иметь земли. Ты будешь иметь только то, что даёт каждому члену Рода — возможность жить и работать, и знать, что ты часть целого.

Обран пытался говорить, но голос его отказал. Он смотрел на её лицо, и он видел в нём лица всех людей, что приходили к нему просить хлеба. Их боль была в её глазах, их голос был в её голосе.

Когда он снова открыл глаза, она уже уходила. Её силуэт растворялся в тени, и звук её шагов становился неотличим от стука дождя.

На рассвете Обран вышел из дома.

Он прошёл к амбарам, и его шаги были тяжелыми, как будто он нёс на спине весь вес накопленного им богатства. Маргарита следовала за ним, не говоря ни слова. Она знала, что произошло в эту ночь, знала без слов.

Люди селения собирались на берегу реки, готовясь к новому дню. Когда они увидели Обрана, открывающего двери амбаров, они вернулись. Молча, они вернулись.

Зёрна высыпались из амбаров, как если бы они долго ждали этого момента, ждали возвращения к своему настоящему назначению. Обран был на коленях, забрасывая мешки зёрна в телеги, что привезли люди. Его руки кровоточили, но он не чувствовал боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.